

# В ПОХМЕЛЬНОМ УГАРЕ

Будни разведенного паладина



СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ

18+



Андрей Ласковин

**Как спасти мир в  
похмельном угаре/Будни  
разведенного паладина**

«Автор»

2026

## **Ласковин А.**

Как спасти мир в похмельном угаре/Будни разведенного паладина /  
А. Ласковин — «Автор», 2026

У каждого конца света должен быть герой. Желательно трезвый, благородный и готовый с пафосом сдохнуть за идеалы. Но человечеству достался сэр Брандон. Последний паладин павшего Ордена. Хранитель Древней Печати. Злостный неплательщик гномьих кредитов. Алкоголик с монументальным пивным брюхом и твердым намерением пересидеть апокалипсис в обнимку со жбаном можжевельники. Жаль только, что Печать лопнула, а помирать на сухую рыцарю не улыбается. Теперь Брандону придется вытряхивать опилки из шлема, запрягать тощую клячу в навозную телегу и собирать древние реликвии по самым вонючим углам континента. Но главный кошмар ждет его не в логове монстров, а на ближайшем болоте. Ведь спасти этот чертов мир ему придется рука об руку со своей бывшей женой. Она ведьма. Она отсудила у него родовое серебро и лучший кинжал. Она знает координаты Разлома и готова пойти с ним сквозь ад — исключительно ради того, чтобы лично отравить ему каждый шаг. Что вообще может пойти по плану?

© Ласковин А., 2026

© Автор, 2026

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1                           | 5  |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 14 |

# Андрей Ласковин

## Как спасти мир в похмельном угаре/Будни разведенного паладина

### Глава 1

#### ДИСКЛЕЙМЕР 18+

*(Минздрав, инквизиция и здравый смысл устали предупреждать)*

Внимание! Данное произведение содержит сцены беспробудного пьянства, злостного табакокурения, яростного богохульства и отборной ненормативной лексики, которой не постеснялся бы даже пьяный гномий забойщик.

Все совпадения с реальными разведенными паладинами, ядовитыми бывшими и карманными кашляющими ящерами — чистая случайность. Автор категорически против алкоголизма, курения и семейных разборок на фоне конца света: текст писался исключительно ради того, чтобы тупо поржать и выпустить пар.

Книга строго противопоказана:

Эльфийским эстетам, падающим в обморок от запаха казармы;

Особам с тонкой душевной организацией и хрустальной моралью;

Любителям пафосного «высокого» фэнтези про непогрешимых белых рыцарей.

Если вы случайно открыли эту рукопись в белых перчатках — немедленно закройте, продезинфицируйте руки святой водой и отойдите на безопасное расстояние.

Остальным — приятного аппетита. И да хранит вас Создатель от похмелья.

#### Глава 1

Когда трещит не только череп

Утро сэра Брандона нельзя было назвать добрым даже при самом буйном полете фантазии. Оно началось как настоящая физиологическая катастрофа: во рту словно взвод гоблинов

в нестиранных портянках провел недельные учения, оставив стойкий привкус серы, медного купороса и вселенской скорби.

Брандон со стоном оторвал небритую, измятую физиономию от дубового стола. В нали-тых кровью глазах полыхнули багровые круги ада. Паладин зашипел сквозь зубы, хватаясь за гудящий чугунный котел, в который превратилась его черепушка.

— Чтоб тебя черти драли, проклятая эльфийская бормотуха... — прохрипел он, пытаясь дрожащими пальцами нащупать на столе спасение.

Единственным шансом пережить это утро был проверенный годами полевой эликсир. Рецепт в Ордене передавался шепотом: три пальца выдохшейся пятидесятиградусной можже-веловки, сырое яйцо степной куропатки, щепоть соли и добрый половник прошлогодней кис-лой капусты. Брандон бережно вылил в шербатый глиняный кувшин последние капли завет-ного пойла и уже потянулся за ложкой.

В этот момент мироздание решило окончательно добить последнего защитника веры.

Прямо над столом, в полутора метрах над кувшином, воздух с мерзким чавкающим зву-ком лопнул сиреневым гнойным пузырем. Пространство вывернуло наизнанку, пахло тух-лятиной и паленой шерстью. Из открывшейся прорехи под действием банальной силы тяжести с глухим грохотом шлепнулась визжащая туша размером с откормленную помойную крысу: перепончатые уши, кривые козлиные рожки и наглая морда ядовито-красного цвета.

Приземление вышло точным: костлявая задница беса угодила аккурат в глиняный кув-шин. Посудина разлетелась на черепки, а целебная жижа с шипением брызнула во все стороны, залив столешницу и загаженный персидский ковер.

В огромном зале повисла звенящая тишина.

Брандон замер. Его единственный спасительный опохмел, последняя надежда разорван-ной в клочья души, медленно впитывался в пыльный ворс. Рыцарский устав строго запрещал сквернословие в присутствии нечисти, но устав умер пятнадцать лет назад, а Брандон еще дышал.

— Ах ты... выкидыш бездны, — свистящим замогильным шепотом выдавил паладин.

Его пивное брюхо, затянутое в помятую кирасу с облупленным гербом Несокрушимой Твердыни, вздыбилось от ярости. Брандон с ревом раненого вепря рванул из ножен фамильный двуручный меч. Сталь с зазубринами, годами служившая рыцарю вместо консервного ножа и открывашки для бочек, с гулом рассекла воздух.

Удар!

Похмельный тремор сыграл с паладином злую шутку. Клинок просвистел мимо ухмыля-ющейся рожи твари и с треском снес резную ножку любимого кресла. Конструкция стоимо-стью в тридцать золотых завалилась набок, подняв вековое облако пыли.

Бес мерзко взвизгнул, показал рыцарю голый фиолетовый зад и метнулся по залу.

— Стой, падаль! — взвыл Брандон, путаясь в собственных расстегнутых подштанниках.

Паладин метался по тронному залу, как пьяный медведь по посудной лавке. В беса летело все подряд: тяжелый оловянный кубок (снес остатки витража), чугунная кочерга (намертво застряла в портрете прадеда) и стопка неоплаченных счетов от гномьего банка.

Мелкая тварь прыгнула на каминную полку, намереваясь сигануть в окно, но Брандон совершил отчаянный маневр: он просто рухнул вперед всем своим центнеровым весом, выбра-сывая заскорузлые лапы.

Бабах!

Паладин впечатал беса тяжелой латной рукавицей прямо в расколотую гранитную кладку камина. Мелкие кости твари хрустнули, как сухие ветки.

Пальцы Брандона судорожно сжались на древнем, выщербленном камне очага. И в ту же секунду реальность перед его глазами дрогнула.

Холодный гранит под ладонью словно ожил, полыхнув чужой памятью. На долю секунды похмельный туман рассеялся, и камень втянул сознание Брандона в глубокую, ослепительную воронку времени.

Зал преобразился. Никакой паутины, пробитой крыши и запаха кислой капусты. Высокие стрельчатые своды звенели от чистоты, витражи переливались лазурью и золотом, а в воздухе стоял густой аромат мирры, ладана и освященной стали.

Перед гигантским очагом полукругом стояли тридцать Первых Хранителей - магов-паладинов Полуденного мира, легендарных основателей Ордена Несокрушимой Твердыни. На них не было ни единой вмятины: зеркальные мифриловые латы слепили глаза, а белые плащи с золотым тиснением солнца ниспадали тяжелыми складками на идеально чистые мраморные плиты.

В центре стоял Первый Магистр - седовласый старец с ликом сурового архангела. В его руках покоился ритуальный клинок, окутанный голубым неземным сиянием. Тридцать рыцарей синхронно опустили на одно колено, вскинув клинки острием вверх, прямо к замковому камню свода, и эхо тридцати слитных голосов сотрясло стены крепости.

Они приносили Великий Обет Запечатывания самому Мирозданию, Источнику Света и живым народам всех четырех сторон света:

— Клянемся плотью, душой и кровью родов наших быть вечным щитом на рубеже Тьмы. Отрекаемся от корысти, от тронов и покоя, покуда стоит Великая Печать. Если дрогнет твердыня - мы станем камнем. Если хлынет Бездна - мы станем пламенем. Да сгинет имя того из нас, кто забудет сей долг, и да не упокоится дух его вовеки!

Клинки Хранителей скрестились над очагом, высекая сноп ослепительных искр, и в гранитную кладку навсегда впечатался древний обережный знак.

Вспышка погасла. Наваждение схлынуло.

Перед Брандоном снова был загаженный, полуразрушенный зал с дырявой крышей, вонь паленой шерсти и визжащий под пальцами комков скверны. Паладин глухо зарычал от накатившей горечи - великий обет тридцати титанов спустя века превратился в похмельное позорище в лице одного-единственного выжившего алкаша в треснувшей кирасе.

— Пусти, мешок с требухой! — захрипел бес, отплевываясь черной сукровицей и тщетно пытаясь достать лапу рыцаря когтями.

— Я из тебя чучело сделаю и в нужнике повешу, — пропыхтел рыцарь, вдавливая рогатую башку глубже в сажу. — Ты за мой опохмел жизнью ответишь.

— Дави, дави, храмовник недобитый! — ядовито засипел бес, булькая черной жижей. — Поздно трепыхаться! Пока ты тут зенки заливаешь да в блевотине киснешь, Древняя Печать уже трещит по швам! Наши владыки нашли брешь! Не долго вам осталось небо коптить, черви двуногие! Скоро легионы Хаоса сожрут твой замок, а с твоей жирной туши снимут шкуру на барабаны!

Брандон молча сжал кулак. Череп беса лопнул с сухим звуком переспелого ореха. Черная дымящаяся жижа брызнула на камни, зашипела и прожгла гранит, оставляя едкую вонь серы.

Рыцарь тяжело сполз по стене на пол, усевшись прямо в пепел. Он стянул треснувший на затылке подшлемник и потер засаленные волосы с седыми прядями.

Слова дохлой твари не были блефом. Брандон и сам чувствовал это мерзкое, давящее покалывание под ложечкой последние три дня. Земля под замком подрагивала, небо за окном отливало нездоровым сиреневым гноем, а птицы облетали эти проклятые холмы десятой дорогой.

Он оставался последним паладином Ордена Несокрушимой Твердыни. Звучало гордо, если не знать деталей.

Когда-то давно у него было все: белое знамя, сияющие латы, уважение короля и оруженосец. А потом грянула Великая Война. Орден бросили затыкать прорыв на Западном рубеже.

Их предали все: эльфы отозвали магов, гномы заперли ворота штолен, а венценосный Август сдал фланги. Из трехсот братьев с той мясорубки вернулся только он один - с переломанными ребрами, разорванной душой и кошмарами, которые приходили каждую ночь.

Орден фактически сдох, а Брандону милостиво пожаловали этот забытый богами замок на самом краю обитаемых земель - в глухой заднице мира, на границе с пустошами. Чтобы герой сидел тихо, не напоминал короне о старых грехах и подыхал от ран подальше от столичных балов.

И Брандон старался. Честно старался.

Он пропивал остатки орденской казны с завидным упорством. Боевой грифон разжирел на овсе, заработал подагру и издох в конюшне пять лет назад. Семейная кираса с трудом сходилась на раздавшемся брюхе. Гномы-ростовщики прислали три повестки в суд и грозились отобрать замок за долги из окрестных таверн.

А теперь еще и Печать решила приказать долго жить.

— Суки... — емко и веско подытожил рыцарь, глядя на раздавленного беса.

Брандон напряг больную, пульсирующую голову, пытаясь сквозь алкогольный туман выудить хоть одну дельную мысль. Где-то в пыльных закромах замковой библиотеки, среди мышинного помета и сгнивших переплетов, валялись старые манускрипты первых Хранителей. В них точно говорилось, как латать эту чертову Древнюю Печать, если она решит развалиться.

Рыцарь со стоном поднялся на ноги, подобрал шербатый двуручник, вытер лезвие о край занавески и, тяжело шаркая коваными сапогами, поплелся в сторону заброшенного книгохранилища. Пора было выяснить, какие еще сюрпризы приготовила ему эта проклятая служба.

Коридоры цитадели Карн-Гор пахли так, будто в них уже пару сотен лет успешно разлагались надежды всего прогрессивного человечества. Или просто местная канализация окончательно капитулировала перед напором похмельных отходов жизнедеятельности сэра Брандона.

Каждый шаг кованого сапога отдавался в чугунном черепе паладина с такой яростью, словно карлик-кузнец отбивал похоронный марш по его последним живым нейронам. Дорога из тронного зала в библиотеку представляла собой классическую полосу препятствий для опустившихся защитников веры. Под подошвами со смачным звоном лопались пустые бутылки изпод можжевельники, хрустели засохшие крысиные мумии и с шорохом разлетались обрывки древних гербовых грамот, которыми рыцарь не брезговал подтирать задницу в дни особо острого дефицита шелковых платков.

Когда-то великолепные гобелены, вытканые девственницами в честь триумфа Ордена над нечистью, теперь висели сальными, прожженными окурками тряпками. На одном из них, прямо поверх благородного лица Первого Магистра, жирная плешивая крыса с комфортом обустроила себе родильное отделение, выставив его прошлогодней тухлой соломой и обрывками неоплаченных счетов из ближайшего борделя.

Стены крепости, впрочем, реагировали на хозяина с привычным цинизмом. Древняя фосфоресцирующая плесень — единственный магический паразит, выживший после бесконечных перегаров паладина, — лениво разгоралась под его ногами мертвенно-синим, трупным светом. Она мерно пульсировала в такт его одышке, освещая плесень на камнях и заменяя сгнившие факелы. Ни Брандон, ни редкие выжившие обитатели замка не обращали на это колдовство внимания: пока эта гадость светит под ноги и не пытается отгрызть пальцы сквозь дырявый сапог — пусть живет.

В галерее оружейной палаты рыцарь наткнулся на первый призрак былого величия.

Старый кастелян Варфоломей — ходячий анатомический экспонат глубоко за восемьдесят — с маниакальным остервенением возил лысой метлой по голым гранитным плитам. Его выцветшие бельма напоминали вареные яйца, в ушах стояла глухота плотнее могильной плиты, а из одежды на нем болталась лишь дырявая ночная рубаха. Старик самозабвенно мел один и тот же угол, гоняя вековую пыль по кругу. Варфоломей свято верил, что за окном все



еще идет Великая Война, полки паладинов вот-вот вернутся с победой и потребуют чистоты, а молодой Бранди просто опять блевал на конюшне после победы над гоблинами.

— Здравия желаю, ваша милость! — шамкнул беззубый старик, брызнув слюной в воздух. — К смотру полы доведу до блеска, хоть покойников раскладывай! Только поварята опять сперли хозяйственное мыло, видать, на закусь пустили, шельмы...

— Мети, дед, мети... — тяжело выдохнул Брандон, стараясь дышать в сторону, чтобы старик не растворился от паров алкоголя. — Главное, не ложись прямо здесь, а то перепутаю со шваброй и выброшу в ров.

У поворота к казематам из темноты вывалилась кухарка Грымза. Беглая гоблинша, которую в родном племени приговорили к повешению за чрезмерную жестокость и антисанитарию, волокла закопченный чугунный чан. Из чана разлило такой лютой смесью дохлой жабы, тухлого свиного сала и серных очисток, что крысы на стенах нервно икали и теряли сознание.

— Жрать сегодня будешь, сэр! — прокаркала гоблинша, оскалив гнилые пеньки зубов. — Свежая похлебка из могильных червей с сушеным чесноком! Или подождешь, пока само зашевелится и из котла убежит?

— Оставь себе на похороны, Грымза, — поморщился рыцарь, сдерживая рвотный позыв. — У нас в тронном зале бес лопнул и загадил ковер. Иди соскреби останки, пусти на холодец своим сородичам.

— Вечно вы, дворяне, портите деликатесы, — смачно сплюнула гоблинша зеленой слюзы прямо на ботинок паладина и пошаркала дальше.

Спустившись по винтовой лестнице на три пролета вниз, Брандон уперся в дубовую дверь библиотеки, затянутую паутиной толщиной с рыболовную сеть. Огромный амбарный замок заплыл рыжей ржавчиной. Паладин долго ковырялся в пропотевших подштанниках, пока не выудил кривой латунный ключ, припрятанный в левом сапоге на случай, если придется вскрывать вены от безысходности.

Замок сдался с сухим, предсмертным хрустом.

Библиотека Карн-Гора была единственным местом в крепости, где не валялись пустые бутылки и не пахло мочой. Не потому, что Брандон уважал науку, а просто потому, что читать спяну он не умел, а закусывать пергаментом было неудобно. Здесь стояла зловещая тишина морга. Вдоль стен высились ряды дубовых полок, заваленных вековыми фолиантами. В воздухе густо висела смесь пыли, мышинного помета и полусгнившей кожи.

Половина полок рухнула, погребя под собой бесценные трактаты по тактике, на которых местное крысиное племя уже успело вырастить три поколения особо наглых и упитанных мутантов.

Брандон подошел к столу архивариуса, пнул обглоданный череп какого-то древнего мыслителя и опустился на рассохшийся стул.

На углу пылилась чернильница из черного гранита. Вековые чернила внутри нее окаменели, превратившись в блестящий черный монолит. Паладин вытащил фамильный зазубренный кинжал и со злостью вогнал острие в каменную жижу. Сталь со скрежетом вспорола застывшую корку, кроша сухие чешуйки чернил в черную пудру.

Сталь и чернила. Одно убивало тела, другое — плодило долги и дурацкие указы. И то, и другое довело рыцаря до этой помойки.

Рыцарь принялся остервенело швырять свитки.

Трактаты о целомудрии летели в угол. Отчеты о расходах на похороны погибших братьев Брандон брезгливо отбрасывал, срывая латными рукавицами сургучные печати. Листы рассыпались в прах от малейшего тычка, оставляя на пальцах лишь грязь и обрывки пафосного бреда: «...и восстанут мертвые...», «...и грянет кара...»

Наконец, на самом дне сундука, под слоем дохлых мокриц, паладин нащупал серебряный тубус.

Внутри оказался полуистлевший манускрипт с тиснением Первых Хранителей. Края были безжалостно сожраны крысами, но уцелевшие строки жгли глаза почище каленого железа:

«Ежели лопнут затворы и Бездна полезет наружу, не надейся на веру и сталь. Ибо держится Печать на трех узлах: крови последнего небесного ящера, королевском пламени и молоте подземных карликов. Но главный ключ — Око Бездны — отдан на вечное хранение ведьмам Болотной Топи, ибо только эти ядовитые твари способны удержать морок и указать координаты алтаря...»

Брандон выронил свиток и с глухим стоном приложился лбом о столешницу, подняв облако вековой пыли.

Болотные ведьмы.

Королевская инквизиция передумала этот клан еще четверть века назад, развесив старух на придорожных осинах. В живых осталась ровно одна тварь.

Матильда. Его законная бывшая супруга.

Та самая ведьма, которая при разводе ободрала его как липку, отсудила фамильное серебро, землю и любимый боевой кинжал, оставив паладину только замок с дырявой крышей и букет хронических болезней. Та самая змея, которая лично обещала сварить его гениталии в кипящей смоле, если он еще хоть раз покажется на ее болотах без мешка с золотом.

В воспаленном мозгу Брандона развернулась тяжелая дилемма.

Что было приятнее? Позволить демонам разорвать континент, перерезать столичных аристократов и лично содрать с него шкуру на походный шатер архидемона? Или добровольно попереться на болота к Моте, выслушать тонну отборного яда в лицо и умолять ее о помощи?

Рыцарь судорожно сглотнул вязкую слюну. Если демоны сожгут мир, пивоварни накроются первыми. Поставки можжевельники прекратятся навсегда. А помирать трезвым в компании орущих бесов не входило в его планы.

— Сучья служба... — просипел паладин, засовывая остатки свитка за пазуху помятой кирасы.

Он с хрустом разогнул затекшую спину, подобрал щербатый клинок и тяжело зашагал к выходу. Впереди была дорога на болота — к испытанию, рядом с которым даже легионы ада казались милым воскресным пикником.

Внутренний двор цитадели Карн-Гор напоминал братскую могилу инженерной мысли и крестьянского энтузиазма.

Здесь все дышало глубоким, непоправимым упадком. Сквозь выбитые гранитные плиты пробивался чертополох толщиной в человеческую руку, а в центре двора высилась монументальная гора из битого кирпича, ржавых обломков баллист, облезлых ободов от телег и многолетнего конского навоза, окаменевшего до состояния строительного монолита. Над всем этим торжеством разрухи нависала кривая, как турецкая сабля, сторожевая вышка с наспех сколоченной караулкой из трухлявых досок.

На пороховой бочке у распахнутой настежь бойницы сидел Клим.

Единственный уцелевший ветеран-арбалетчик крепости представлял собой зрелище суровое и предельно антисанитарное. Правой ноги у него не водилось со времен штурма Западного перевала: вместо конечности к культе ремнями из сыромятной кожи крепился дубовый пенек, грубо обитый позеленевшей медью. Поверх линялого ватника болталась кольчуга, наполовину связанная веревками. Клим с маниакальной методичностью шоркал обломанным точильным бруском по зазубренному лезвию ржавого тесака. Звук от этого занятия стоял такой, будто в ухо Брандону медленно и с наслаждением вкручивали штопор.

Каждые тридцать секунд ветеран отрывался от заточки, высовывал в смотровую щель мясистый нос и зычно, с душой орал в сторону сиреневых пустошей, нещадно шепелявя и присвистывая:

— А стоб вам там пусто было, вылодкам безлоким! Стоб у вас у всех хвосты в узел завязались и понос из усей потек!

После чего ветеран смачно сплевывал желтой табачной жижей сквозь выбитые передние зубы и принимался остервенело тереть заскорузлой ладонью ноющее к непогоде колено.

Брандон, тяжело ступая по обломкам черепицы, подошел к караулке, остановился рядом и сделал абсолютно то же самое: с хриплым свистом сплюнул через выбитый левый зуб прямо в чертополох и привычным жестом схватился за свое левое колено, перебитое гоблинской палицей двадцать лет назад.

Два покалеченных жизнью мужика, брошенных на краю мира, на мгновение замерли, глядя на фиолетовые тучи на горизонте, как два отражения в мутной луже: одинаковая щетина цвета золы, одинаковые налитые кровью белки глаз и неистребимый запах дешевого спирта, исходящий от обоих на добрых пять шагов вокруг.

— Чего лазолался, калека? — хрипло передразнил паладин, опираясь плечом о трухлявый косяк караулки. — Демонов пугаешь или собственную печень уговариваешь?

— А стоб не ласслаблялись, командил! — осклабился Клим, старательно шепелявя сквозь зияющую дыру во рту. — Сидят там в своих нолах, замышляют, падали локатые! А я им напоминаю, кто здесь на вахте стоид! Ты цего кислый-то такой, будто дохлую зябу созрал? Лоза кляснее флака, штаны в сазе, а глядишь так, словно тебя на колу вельтят!

— Хуже, Клим, — скривился Брандон, и его небритую физиономию перекосило от неподдельного отвращения. — В тронном зале бес появился. Древняя Печать приказала долго жить. Я в библиотеку спускался, старые архивы поднимал. Чтобы эту чертову дыру заделать, нужно Око Бездны. А где оно, только Мотя знает. Придется на болота пилить.

Клим замер. Точильный брусок выскользнул из его заскорузлых пальцев и с глухим стуком упал в прелую солому.

Ветеран истово, размашисто перекрестился кукишем в сторону востока, с благоговейным ужасом глядя на командира:

— К ведьме?.. К Матильде Самуиловне?! Ох, командил... Беда-то какая, матель босья! Демоны-то Хаоса — они сто? Ну плидут, ну киски на копье наматают, ну скулу снимут — дело пяти минут, отмуцился и в ладони Создателя! А эта з змея болотная... Она з из тебя всю душу по капле выцедит, на сковолодке подзалит и добавки поплосит! Ты з от нее еле живой с одними поправными полтками десять лет назад утек!

На словах Клим едва ли не захлебывался от жалости, но в глубине его выцветших зрачков заплясали такие радостные бесовские искорки, что скрыть злорадную шепелявую ухмылку в густых прокуренных усах ветерану не удалось. Перспектива того, что напыщенного сэра Брандона снова возьмет в железный оборот его бывшая ядовитая баба, грела душу старого калеки сильнее доброго костра.

— Ты мне зубы не скаль, доброжелатель хренов, — огрызнулся рыцарь, потирая ноющее колено. — Лучше скажи, выпить есть что перед казнью?

— А как не быть для лодного командила! — Клим деловито полез под лавку и с торжественным кряхтением выволок на свет пузатый глиняный жбан, заткнутый кукурузным початком. — Пелвацок из топинамбула на мухомолах! Глымза лицью вцела сцедила! Слезу вышибает, как удал копытом!

Ветеран выбил початок, плеснул мутной, слабо фосфоресцирующей жижи в две шерба-тые оловянные кружки и протянул одну Брандону.

— За упокой твоей мусьской голдости, командил!

Они молча грохнули кружками, выдохнули перегар и опрокинули пойло в глотки. Внутри у Брандона будто взорвалась зажигательная граната: пищевод обожгло каленым железом, в глазах брызнули искры, а похмельная боль в затылке на секунду онемела, уступив место блаженному одеревенению.

— Хороша пошла, — просипел паладин, утирая усы латной рукавицей. — Наливай стремную.

Вторая кружка пошла за то, «стоб у Моти отсох язык». Третья — «на ход ноки». Четвертую Клим налил со словами: «Для хляблости, а то у тебя киласа от длюзи звенид». Градус похмелья плавно, но неотвратимо растворился в свежем, крепком опьянении. Мир вокруг снова обрел четкие, хоть и слегка двоящиеся контуры.

— Ладно, — крикнул рыцарь, с трудом отлепляя задницу от бочки. — Выводи транспорт. Пора седлать зверя.

С «боевыми зверями» в Карн-Горе дело обстояло трагически. Гербовый грифон Ордена — величавый полулев-полуорел, гроза поднебесья — из-за пяти лет абсолютного безделья и рациона из жирной свинины набрал центнер лишнего веса, заработал одышку, подагру и тихо испустил дух в конюшне пять лет назад.

В полуразвалившемся стойле обнаружилась единственная тягловая единица: кобыла по кличке Звездочка, которую весь гарнизон единогласно звал Чумой. Это было ходячее анатомическое пособие для студентов-ветеринаров: торчащие ребра напоминали днище разбитой лодки, хвост состоял из трех волосин, а глаза выражали бесконечную, экзистенциальную депрессию. Главной же особенностью животного был чудовищный, непрекращающийся метеоризм — Чума издавала раскатистые звуки и пускала вонючие газы аккуратно при каждом шаге задней левой ноги.

Клим с матюгами накинул на обвисшую спину клячи старое кавалерийское седло с обломанными стремянами.

— Давай, командил, шулмуй высоту! — ветеран подставил плечо.

Брандон, пошатываясь от выпитого топинамбуrowого зелья и собственного монументального пуза, ухватился за луку седла, занес ногу в стремя и с натужным рыком попытался забросить тушу на хребет кобылы.

**ХРЯСЬ!**

Раздавшееся брюхо паладина намертво перевесило. Брандон со всем своим стокилограммовым латным весом перевалился через круп Чумы и с оглушительным звоном железа рухнул в кучу прошлогоднего навоза по ту сторону лошади.

Кобыла от неожиданности выдала залп кишечных газов такой силы, что с навеса осыпалась черепица.

— Твою мать, кавалерия... — глухо донеслось из навозной кучи.

Клим, держась за культю и корчась от беззвучного шепелявого хохота, помог командиру встать. Брандон, облепленный соломой и дерьмом, сплюнул, поправил съехавший на нос шлем и предпринял второй штурм.

На этот раз паладин почти зафиксировался на спине несчастного животного. Но тут Звездочка, не выдержав чудовищного давления доспехов, просто подкосила задние ноги и шумно осела на круп. Брандон с воплем соскользнул назад и задом аккуратно приземлился в корыто с поюями для свиней.

— Всё! Завязывай с верховой ездой! — взревел рыцарь, яростно выгребая тухлую капусту из-за шивороты. — В рот я чихал эти кавалерийские маневры! Тащи оглобли, запрягай эту клячу в телегу!

Спустя полчаса ругани, скрипа и пыли экипаж судного дня был готов. Чуму впрягли в рассохшуюся телегу на кривых деревянных колесах. На дно насыпали прелой соломы, куда

Брандон с блаженным кряхтением и завалился на спину, свесив наружу кованые сапоги и положив рядом семейный двуручник.

— С боком, командил! — напутствовал Клим, открывая скрипучие замковые ворота. — Моте пливет! Скажи, сто мы ее помним и всей душой зелаем ей сдохнуть в ее котле!

Брандон лениво щелкнул вожжами. Телега с душераздирающим воем несмазанных осей и ритмичными, оглушительными залпами лошадиных газов покатила через подъемный мост.

Впереди лежали бескрайние, унылые просторы, багровеющий от приближающегося апокалипсиса горизонт и дорога в вонючую топь — навстречу бывшей жене. Спасение мира началось.



## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.